

Образы небесных светил в поэзии Куздебая Герда¹

А. В. Камитова,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Удмуртского института истории,
языка и литературы
Уральского отделения РАН
(г. Ижевск, РФ)

С незапамятных времен космос притягивал к себе внимание многих людей: ученых-изобретателей, философов, художников, писателей. Эта тема нашла отражение в кино, живописи, в искусстве. Тайны Вселенной привлекали мастеров слова во все времена. Например, так называемый космизм был одной из «характернейших особенностей поэтов Пролеткульта и “кузницы” [8, 515]. На сегодняшний день бытуют мнения о существовании астрономической символики в каждой из ареалов культур.

К разгадке тайн космического пространства обращался и удмуртский поэт Куздебай Герд. Образы космоса автор широко использовал в своих произведениях самых разных лет. Для него обращение к теме небесного мироздания было связано прежде всего с выражением чувств и эмоций человека.

Явная склонность к образным повторам – одна из черт идиостиля К. Герда. Сквозные космические образы служат изображению индивидуально-поэтической системы автора, отражают его мировоззрение, выступают организующими центрами в авторской картине мира. Повтор образов позволяет передать богатство семантического прочтения стихотворений. В ряду сквозных космических мотивов в поэтической системе К. Герда выделяются образы небесных светил. В целях изображения художественной действительности автор использует как прямое, так и косвенное их смысловое содержание.

¹ Куздебай Герд (Чайников Кузьма Павлович, 1898 – 1937) – удмуртский поэт, прозаик, драматург, критик, лингвист, фольклорист, этнограф, педагог, методист, музыковед, общественный деятель.

«Стилизованные изображения космических тел известны всем археологическим культурам», – отмечает исследователь Н. Виноградов [3, 27]. Мотивы космического мироздания были неотъемлемой частью традиционной культуры удмуртского народа. Например, образы небесного пространства являлись особым видом изобразительного письма в национальных вышивках и ткачестве, резьбе и ковке и т. д. В замысловатых орнаментах отражалась сложная образная и мировоззренческая система удмуртского народа в сочетании с глубокими смысловыми и символическими кодами. В этих композициях запечатлевались яркое и многогранное художественное видение, творческая фантазия ее создателей. В цвете, схеме, графике, рисунке, линии, в мелких элементах в виде зубцов и веточек, крючков, завитков и кругов связывались представления наших предков о действительности.

Традиционный орнамент удмуртской вышивки и поныне широко применяется в оформлении национальных сценических костюмов, интерьера зданий, в книжной индустрии, в декоративно-прикладном искусстве и т. д. Солярные мотивы (*питырес*, *питыри* – окружность, круг, *шунды пужы* – узор «солнце») можно увидеть в украшениях ворот, окон и наличников, на свадебном платке невесты и головном полотенце женщины [3, 28]; звезды (*кизили пужы* – узор «звезда») – в рисунке ковров и гобеленов²; луну (*толэзь пужы* – узор «луна») – на нагрудниках пожилых женщин-удмурток. Космические образы и мотивы популярны и в народной словесности удмуртского народа³.

Сегодня на флаге и гербе Удмуртской Республики⁴ сияет восьмиконечная негасимая Шудо Кизили⁵

² Ниже представлены образцы удмуртских узоров с космическими мотивами с их бытующими названиями:

1. *Питыри* – круг, солярный знак. 2. *Питырес* – круг, солярный знак. 3. *Толэзь* – луна. 4. *Толэзь кужёс* – лунные лучи (букв. лунные ноги).

³ Например, известна волшебная сказка «Шунды эмэспи» («Зять солнца»), записанная в 1885 г. венгерским ученым Б. Мункачи от удмуртов, образы небесных светил – частые образы народных песен удмуртов.

(Счастливая Звезда). Семантика Государственного символа уходит своими корнями в глубокие религиозно-мифологические представления удмуртов и является олицетворением оберегающих космических и земных сил. Имеется достаточное количество научных трудов, посвященных семантической интерпретации орнаментальной традиции.

Солнце – доминирующий образ в системе религиозно-мифологических представлений удмуртов. Это небесное светило является одним из ярких поэтических символов в поэзии Кузееба Герда. По подсчетам Л. В. Бусыгиной, писатель в своем поэтическом словаре использовал слово «солнце» 234 раза [2, 17].

В изображении данного образа воплощена типичная оценка видения мира: чередование дня и ночи; закономерная динамика захода и восхода солнца:

Нунал ортчиз. Шунды пуксиз.
Музьем выльз съод уй лэзькиз [6, 58].

День прошел. Солнце село.
На землю черная ночь опустилась.⁶

Или:

Гурезь съорын, луд съорын
Пиштись шунды пуксьылэ... [6, 33].

За деревней, за полевой
Сияющее солнце заходит...

С эмоционально-содержательной стороны для лирического текста характерны тревожное ощущение, чувство нестабильности, связанное с социальными мотивами. В череде и смене суток Герд представляет все происходящее в мире как круговорот – смену одних событий другими, следующими в заданном порядке, по аналогии с «кругами» в природе – движением светил.

Очередность природных явлений имела большое значение для всех народов во все времена. В творчестве Кузееба Герда она стала образным воплощением двойственности мира с множеством выражений. Как правило, в гердовских строках солнце должно вступить в противоборство с ночью:

Пиштись шунды, чебер шунды,
Чальгес жутскы, чаль серекты,

⁴ В 1992 г. был объявлен открытый конкурс по созданию герба и флага Удмуртии и создана Комиссия по подготовке предложений о государственной символике Удмуртской Республики.

– Флаг Удмуртской Республики.

– Герб Удмуртской Республики.

⁶ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – А. К.

Та съод уез дунне выльсы
Кытчы ке но тон лобаты! [6, 58]

Сияющее солнце, красивое солнце,
Скорее взойди, скорее рассмейся,
Эту черную ночь со света/земли
Куда-нибудь ты прогони!

Время мыслится как постоянное чередование противоположностей: жизни и смерти, тепла и холода.

С образом солнца поэт связывает ожидание лучших времен, веру народа в будущее:

Зарни шунды жужалоз,
Пеймыт уез уллялоз,
Удмурт калык съод тэлысь
Паськыт бусые потоз [6, 67].

Золотое солнце взойдет,
Темную ночь прогонит,
Удмуртский народ из черного леса
В широкое поле выйдет.

Анализ раннего творчества Кузееба Герда позволяет говорить о том, что художественная действительность поэта этого периода «бессолнечная». Темная ночь, черный лес создают давящее и щемящее настроение и передают изображение темного пространства.

В поэтических строках автор погружает читателя в мир звездного пространства, в котором солнце

обладает необыкновенной, неземной мощью. Солнечное тепло может оказаться как животворным, так и пагубным для земного существования:

Куанер сяска
Потэм, жутскем –
Шунды шунытэн
Сяскаяськем.

Сильзор сое
Коттэ, сисьгэ...
Инмысь шунды
Сутэ, куасьтэ [6, 75].

Бедный цветок
Зародился, вырос –
С солнечным теплом
Зацвел.

Под ливнем
Он мокнет, гниет...
С неба солнце
Обжигает, иссушает.

В ряду сквозных космических мотивов в поэтической системе К. Герда выделяются образы небесных светил. В целях изображения художественной действительности автор использует как прямое, так и косвенное их смысловое содержание.

Солнце – это сон, мечта: *Удмурт гуртъёс... Паськытэсь съёд тэльёсын – Шундыез вётаса адзо.* – Удмуртские деревни... В обширных черных лесах – Солнце снится во сне [5, 318]; *Толон шундые шаеръёсы Туриос турласа кошкизы.* – Вчера в солнечные края Журавли курлыча улетели [5, 328]; *Отын, кыдёкын,*

Вань чагыр шаеред – Шунды пуксьылытэк ворекъя... – Там, далеко, Есть голубые края – Солнце непрерывно сияет... [6, 151].

В образном рисунке Герд изобразил и линейное движение от прошлого (*шунды пуксиз* – солнце село) к настоящему и будущему (*зарни шунды жужалоз* – золотое солнце взойдет):

Адзиськод-а? Шунды жужаны кутске –
Удмуртъёс доры но выль улон лыктэ! [6, 96].

Видите? Солнце начинает восходить –
И к удмуртам новая жизнь грядет!

В подобной временной последовательности проводится параллель природного времени с процессом становления народа, его раскрепощения, свободы, при котором отчетливо определяются различия прошлого, будущего и настоящего. Прошлое представляет собой уродливое искажение мирового порядка и человеческих ценностей, будущее связано с восходом солнца и новой жизнью.

С другой стороны, поэтическое иносказание опирается и на коннотацию возвышенного романтического изображения солнца как предвестника счастья, будущего, новой жизни:

Эшъёсыдлэсь эн кыль! Мын югыт дуннее!
Тынад сюрес вылад горд сяска.
Тынад палад – шунды.
Сюлмад – шуд! [6, 118]

Не отставай от друзей! Иди в светлый мир!
У тебя на пути – красный цветок.
Впереди тебя – солнце.
В душе – счастье!

С явлением «восхода солнца» связаны вера в положительные начала, надежда на восхождение солнца и добра:

Табере шунды жужаз,
Съёд дуннеез со уляяз:
Куанерьёсыз улзытүз –
Выль кужым, выль бурд сётүз [6, 119].

Теперь солнце взошло,
Черный/темный мир оно прогнало:
Бедных разбудило –
Новые силы, новые крылья дало.

Прием олицетворяющей метафоры в данном тексте позволил раскрыть моменты общественного мироощущения: обретение устойчивости и стабильности, новых сил.

«Улыбающееся/смеющееся солнце» – ключевой образ триолета «Шундыез кырзаны» («Солнце воспеть»). Герд подверг его оригинальной интерпретации, наполнив личным эмоциональным содержанием. Тепло и радость, излучаемые светилом, рождаются и в сердцах народа:

Калыклэсь сюлэмзэ шунтыны
Мон быгатү, быгатү!

Серекъясь шундыез кырзаны
Мон та дуннее лыктї [5, 316].

Сердца людей согреть
Мне удалось, удалось!
Улыбающееся/смеющееся солнце воспеть
Я пришел в этот мир.

Если в ранних стихотворениях К. Герда жизненная позиция человека в обществе изображается как неустойчивая, то в более поздних она приобретает однозначный характер, что также отображается посредством образа солнца:

Табере шундыед
Туж пиштэ, туж шунтэ.
Виль Удмурт шаерд
Пыд вылаз юн султэ [6, 145].
Теперь солнце
Ярко светит, сильно греет.
Новый Удмуртский край
На ноги крепко встает.

В данном стихотворении прием параллелизма коннотирует эмоциональное отношение к действительности: соответствие психологической атмосферы реальности и природы, постоянства солнечного освещения и возрождения Удмуртского края.

Привычная для природы стабильность, выраженная в смене дня ночью, захода солнца восходом, сопровождается в лирике удмуртского поэта параллельными – светлыми картинками мира:

Уг кышкаськы съд уйлэсь,
Монэ вормоз на шуыса, –
Мон вордїськи шундылэсь,
Шунды жуза пиштуса! [4, 158]

Не боюсь черной ночи,
Думая, что она меня победит, –
Я родился от солнца,
Солнце восходит сверкая!

Следует выделить и символическую окрашенность образа, отражающую высшие ценности, к которым стремится человеческое сознание. Наделенность образа символическим подтекстом в конкретном случае трактуется его окрашенностью индивидуально-авторской коннотацией. Солнце – символ обновляющего начала в историческом развитии удмуртского народа, символ «образования, приобщения к мировому знанию...» [7, 83]. Как наиболее устойчивый образ в поэзии Герда, вплетаясь в сюжетное движение поэтического русла, он насыщается ассоциативными связями. В этом образе слились вера в будущее, символ родины, источник счастья, сила национального характера.

В творчестве Кузубая Герда дооктябрьской поры преобладают революционные мотивы. Мысли о революционном перевороте в его поэтическом мире находят свое выражение как в поверхностных (явных) образах, так и в глубинных (скрытых) смыслах. Напри-

мер, автор образно сравнивает революцию с солнцем: *Тон – шунды, Виль улонэз, Виль дуннеез Лэсьтїсь, шунтїсь шунды!* – Ты – солнце, Новую жизнь, Новый мир Созидающее, греющее солнце! [6, 111]. В данном контексте внимание акцентируется на созидательном начале двух стихий.

Образ солнца в лирике Кузубая Герда наделен и антропоморфными чертами: *зарни кизэ шунды мычиз* (золотые руки солнце протянуло), *синмез мальдэ* (в его глазах рябит), *сьд кочышез со сайкатэ* (будит оно черного кота) – в стихотворении «Коркан шунды» («В доме солнце»). Прием поэтического олицетворения позволил подчеркнуть в тексте экспрессивность, яркое выражение приподнятых, радостных чувств. Удмуртский поэт часто обращается к данному приему художественной изобразительности в целях образного воссоздания мира природы. Олицетворение подчеркивает и особенность его мировосприятия.

В традиционной культуре удмуртского народа часты случаи употребления числовых комбинаций в интерпретации явлений и событий действительности. В одно из стихотворений Кузубай Герд включает заговорно-заклинательную формулу: *Куать пол шунды жужаса, Куать пол шунды пуксьыса Ёз ке вие, берытско...* – После того как солнце шесть раз взойдет, Шесть раз солнце сядет. Если не убьют, вернусь... [6, 63]. Использование фольклорной формы с числовым сочетанием позволило поэту передать тонкие переживания эмоциональных переживаний лирического героя. Слова заклинательного характера, основанные на вере в их магическую силу, направлены на обеспечение счастливой судьбы персонажа.

В позднем творчестве К. Герда солнце уже выступает в обобщенном образе как эмблема, в которой изначально заложены и абстрактное понятие, и вещная предметность. Так, в стихотворении «Азыланьын» («Впереди») оно выступает в качестве эмблемы Родины, которая опирается на мировую культурную традицию и является интернациональным образом:

Мон тодїсько: азыланьын – тулыс,
Азыланьын – шунды, шунды!
Азыланьын – виль сяська, виль лыс,
Азыланьын – улон шулдыр! [6, 332]

Я знаю: впереди – весна,
Впереди – солнце, солнце!
Впереди – новый цветок, новая хвоя,
Впереди – жизнь веселая!

Образ солнца, солнечного света – один из любимых у Герда, а земля – символ радости, молодости, постоянного обновления: *виль шундыё сюресьёс* – новые солнечные дороги. Свет, идущий от солнца, изображен ослепительно яркими красками: *пиштїсь горизонт* – сверкающий/блестящий горизонт, *шунды дугдылытэк ворекъя* – солнце непрерывно сверкает/переливается. Солнце озаряет окружающий мир,

поэтому пространство предстает в хроматическом восприятии.

Солнце в поэтическом контексте Герда изображено в цвете и свете: *Пегзълоз Горд шунды лыз пилем съоръёсы*. – Будет скрываться Красное солнце за синими тучами [5, 328]; *Азълань мынон сюресад зарни шунды*. – На твоём пути золотое солнце [6, 81]; *Инъёсы шунды Нош ик жэутскоз жуаны*. – На небеса солнце Снова Взойдет и будет гореть/сиять [5, 332]; *Пиштйсь шунды, чебер шунды*. – Сияющее солнце, красивое солнце [5, 63]. Эпитетом «солнечный» наделены различные предметы, детали и явления: *Азъланяды – шудо аръёс... Уно шундыё нуналъёс, тй шундыяськыса улоды*. – Впереди – счастливые годы... Много солнечных дней, ваша жизнь станет солнечной [5, 321].

В своем творчестве Герд заостряет внимание на подвластности душевного и физического состояния человека законам природы, небесным светилам (в частности, солнцу). Писатель поэтизирует благотворное влияние солнца: *Инъёсы шунды Нош ик жэутскоз жуаны – Соку луоз шулдыр Улны, шоканы, ужаны!* – На небеса солнце Снова Взойдет и будет гореть/сиять – Тогда станет весело Жить, дышать, работать! [5, 332].

Неотъемлемыми атрибутами ночного пейзажа у Герда являются луна и звезды. Эти образы переходят из стихотворения в стихотворение, но каждая лунная или звездная ночь прекрасна по-своему.

Очередность природных явлений имела большое значение для всех народов во все времена. В творчестве Кузубая Герда она стала образным воплощением двойственности мира с множеством выражений.

Семантика звезды многозначна. Именно контекст обуславливает в словесном образе гамму смыслов, раскрыть которую позволяет анализ поэтического образа. Поэт придает небесному светилу черты живого существа:

Инмын жуало кизилиос.
Жуало... Ворежьяло...
Толэзен лушкэм верасько соос,
Верасько... Дырежьяло [5, 333].
На небе горят/сверкают звезды.
Горят... Переливаются...
С месяцем тайно они шепчутся,
Шепчутся... Дрожат/колеблются.

Герд использует и визуальное, оптическое, восприятие звезд, изображенное с помощью глагола «дрожать»/«колебаться». Благодаря этому образная картина звездно-лунной ночи становится особен-

Если в ранних стихотворениях К. Герда жизненная позиция человека в обществе изображается как неустойчивая, то в более поздних она приобретает однозначный характер, что также отображается посредством образа солнца.

но выразительной. Поэт запечатлел неповторимое мгновение. Перед читателем раскрывается диалог двух небесных светил и природных реалий на уровне человеческих эмоций и «телесного» контакта: *пилем съорысь серектэ* – из-под облака выглядывая, улыбается, изисъ сяськаосыз чупалля – дремлющие цветы целует, *возьдаськысь пипуэз жыгырья* – застенчивую иву обнимает, *чильк-вальк выдылэ шуре* – переливаясь, расстилается по реке. Звездам и луне свойственны разные эмоции.

В стихах Кузубая Герда звезды безымянны в отличие, например, от стихотворения А. Блока, посвященного Сириусу и Веге (стихотворение «О край небес – звезда омега»), или поэтических строк А. Ахматовой о Полярной звезде (стихотворение «Реквием») и др.

Звезды – это посредники между земным и небесным мирами, пассивностью и активностью. Пассивная сторона их амбивалентного существования проецируется на жизненные обстоятельства и условия жизни людей:

Инъёсын дырежьяса, кизилиос жуало,
Гуртъёсын, нумыръёс кадъ, калыкъёс уло [6, 16].
На небе, дрожа, звезды горят,
В деревнях, как черви, люди живут.

Звезда – символ чувственного восприятия мира, ее трепетность связана с миром, тоже «трепещущим». В рассматриваемом контексте проигрывается иносказательный смысл, выраженный посредством параллелизма жизненной ситуации и сферы космически-природного; прослеживается коннотативная семантика трепетного существования.

Использование образного параллелизма позволяет показать глубинную связь человека с космической реальностью, предначертанность его судьбы звездами:

Инмын жуась кизилиос кысёзы,
Германь оже гажан пиос ышизы [6, 24].
На небе горящие звезды погасли,
На германской войне дорогие сыновья пропали.

В данном контексте звезда выступает в символическом, закодированном значении судьбы, рока. Подобное «благоволение небесных светил человеку, влияние их на судьбу традиционно для народной культуры и является основополагающим моментом в мифопоэтическом восприятии» [4, 64]. Кузубай Герд интерпретирует существование звезды на небе как равное продолжительности жизни определенного

человека на земле. Возможно, подобные смысловые прочтения образа звезды и в творчестве других писателей относятся еще к древнему тексту Ветхого Завета. Согласно библейскому мифу, появление на небе этого небесного светила сопутствует рождению человека на земле (в широком смысле)⁷.

В поэтическом контексте посредством рассматриваемого образа можно проследить и философское осмысление бытия: необратимость времени, фатальность и неизбежность будущего: *Инъёсын жэуась, пиштйсь кизилюс / Туннэ – жэуало, / Їуказе – кысо...* – На небе горящие, сверкающие звезды / Сегодня – горят, / Завтра – угасают... [5, 317]. Или: *Туж тиналысен, инмысь усем кизили сямен, Мон кули ке...* – Очень рано, словно с неба упавшая звезда, Если я умру... [6, 85]. В образе звезды наличие подтекста – поверий о звездах как душах людей [4, 66], как сим-волах чьей-то жизни.

Угасание последней звезды на небе – начало рождения нового дня: Берпум кизили кысэ инъёсын... Уй ортгиз, кошкиз, нунал вордйське... – Последняя звезда гаснет на небе... Ночь прошла, ушла, день рождается... [6, III].

На уровне смысловой многозначности рассматриваемого образа можно выделить его замещающую функцию. Образ звезды автор наполняет смысловой ролью социального характера, которая была заложена изначально в образе солнца. Звезда выступает в роли предвестника нового дня:

Азвесь кизилюс, чебер кизилюс
Сяськаослы вераллям зарни кылбуръёс.
«Сайкатэ удмуртъёсыз иземысь!» – шуиллям,
Тон сёры ачсэлэсь верамзэс лэзиллям [6, 81].

Серебряные звезды, красивые звезды
Цветам рассказали золотые стихи.
«Будите удмуртов!» – говоря,
За тобой свою весть отправили.

В лирике Кузубая Герда звезда наделена двойственными характеристиками: с одной стороны, автор выделяет активную позицию (они говорят людям золотые слова, пробуждают их), с другой – подчеркивает их трепетность.

Звезда – источник света. Поэтому ее отсутствие на ночном небе связано с темнотой и страхом:

Чагыр инмын чик ёвёл кизилюс, –
Кышкано кадь бусы шорын туж пеймыт [6, 53].

На голубом небе нет ни одной звезды, –
Посреди поля темно и страшно.

Интересен образ огненных звезд с точки зрения его смыслового прочтения. Вероятно, для Герда они являются предзнаменованием революционных событий:

Тон	Ты
кызь	сей
музьем	в
былэ	землю
Тылжу	Огненные
кизилюс!	звезды!
[6, 233]	

Созданный поэтом образ вызывает необыкновенные зрительные ассоциации и эмоции, неисчерпаемые по своей смысловой глубине. Перед взором читателя открывается огненная земная стихия.

Смысловая емкость образа звезды дополняется значением эмблематичности в более поздний период творчества удмуртского поэта. В поэтической системе Кузубая Герда звезда является традиционной эмблемой, знаком доблести, чести и Родины, армейским знаком: *Туж вылын / Эроплан журжетэ, каньылъя поръяса... / Бурдъёсыз бордын / Кизили ворекъя, йыж-горд пиштиса.* – Очень высоко / Аэроплан гудит, легко паря... / На крыльях / Звезда сверкает, красным отливаясь [6, 232].

Внимание к космическому пространству в поэтическом мире К. Герда подкрепляется образом луны.

⁷ Во второй главе Святого Благовествования от Матфея повествуется о Божественном рождении: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: «Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему» [От Матфея Святое Благовествование // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. Финляндия, 1990. С. 1].

Неотъемлемыми атрибутами ночного пейзажа у Герда являются луна и звезды. Эти образы переходят из стихотворения в стихотворение, но каждая лунная или звездная ночь прекрасна по-своему.

Наличие в данном образе семантического ореола не столь велико и многозначно, как это было в двух вышерассмотренных случаях.

Образ луны в лирическом контексте удмуртского поэта – это прежде всего пейзажная реалья в ее эмпирическом изображении:

Уйбыт толэзь
Ветлэ, пиштэ –
Уйбыт азвесь
Пазя, кисьтэ [6, 160].
Целую ночь луна
Ходит, светит –
Целую ночь серебро (серебром)
Сеет, поливает.

Этот небесный образ выступает в качестве знаковой приметы ночи (противоположно тому, как солнце – знак дня):

Чебер пие, нуныкае,
Эн бёрд, изь ини.
Толэзь учке выль укное –
Синдэ кынь ини! [6, 218]
Красивый сыночек, дитятко мое,
Не плачь, спи уже.
Луна смотрит в новое окно –
Закрой уже глаза!

В данном контексте в образе луны наблюдается и коннотативное значение приметы нового времени. Он интерпретируется и как «антропоморфный»: тушез азвесь (борода серебряная), кыиз небыт (рука мягкая), синмыз – лыз весь (глаза – синие бусинки). В обрисовке луны в олицетворяющей метафоре проходит идея коннотативно-эмоционального и эстетического восприятия природы. В подобной интерпретации про-

слеживаются элементы фольклорного видения мира поэта, внедрение в поэтическую систему элементов антропоморфизма.

В поэзии Кузубая Герда луна устойчиво окрашена в серебряный цвет: азвесь толэзь. Природное светило в художественном мире выполняет те же функции, которые свойственны реальному образу. Луна то прячется за облака (Азвесь толэзь пилемъёс съёры пегъиз ке – Если серебряная луна/месяц спрячется за облака [6, 61]), то восходит как полноправная владычица ночного неба (Зарни шунды пуксиз, Калык изьны выдъиз. Азвесь толэзь жужаз... – Золотое солнце село, Люди легли спать. Серебряная луна взошла... [6, 61]).

Образы небесных светил сопровождали творчество Кузубая Герда и применялись в различных смысловых и эмоциональных вариациях. Удмуртский поэт стремился поэтически осмыслить просторы Вселенной. Рассматриваемые образы непосредственно участвуют в действии и фигурируют в своем космическом значении, иногда они просто являются элементами пейзажа с символическим оттенком. Благодаря постоянно действующему элементу контекста выстраивается собственно-авторская концепция мироустройства. В использовании космических образов реализуется одно из средств описания миропонимания. Художественная особенность поэта в этом плане – «космизм» его поэтических образов «под влиянием земных событий». Именно благодаря этому «усиливается внимание к звездному миру, выси, солнцу», что и обуславливает «космическое восприятие жизненных явлений...» [1, 238].

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

удмуртская литература; образы; небесные светила

Udmurt literature; images; heavenly bodies

KEYWORDS

Поступила 29.03.2010

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богомолова, З. А. «Как эхо долины родной...»: статьи, очерки, воспоминания / З. А. Богомолова; предисл. А. Блинова. – Ижевск: Удмуртия, 1983.
2. Бусыгина, Л. В. Поэтическая картина мира в лирике Кузубая Герда: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Бусыгина. – Саранск, 2003.
3. Виноградов, Н. Удмуртские народные узоры и значение их названий // Об удмуртском фольклоре и литературе: сб. ст. – Ижевск, 1973. – Вып. 1. – С. 26–40.
4. Владыкина, Т. Г. Фольклорный текст в мифологическом контексте // Удмуртская мифология / Т. Г. Владыкина; под ред. В. Е. Владыкина. – Ижевск, 2004. – С. 54–66.
5. Герд, К. Зарни кылчуръёсы: кылбуръёс, поэмаос / К. Герд; Дасяз, азыкылзэ гожтӧз но валэктонъёс сётӧз Ф. К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 360 с.
6. Герд, К. Та кырӧанъёсы-турагайёсы: Люкам кылбуръёс, поэмаос / К. Герд; Дасяз но азыкылзэ гожтӧз Ф. К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 304 с.
7. Клестов, И. К. К философской реконструкции мира Кузубая Герда // Об этнической психологии удмуртов: сб. ст. / сост. и отв. ред. Г. К. Шкляев. – Ижевск, 1998. – С. 81–103.
8. Ларцев, В. Г. «Звездные стихотворения» и поэзия космоса // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1970. – Т. 29, вып. 6. – С. 511–521.

